

Владимир Оренов — режиссер и театральный критик, зам. главного редактора «Театральной жизни» и худрука театра «Эрмитаж». Научившись писать рецензии, усложнил себе задачу — стал писать их в стихах. Но когда понял, что и с этим можно справиться, переквалифицировался — но не в управдомы, а в автора и режиссера программы «Фрак народа». Впрочем, слов «программа» или «передача» не переносит, предпочитая называть «Фраки» композициями с завязкой, кульминацией и развязкой. 4 июля на РТР выйдет 50-й «Фрак народа». Возможно, последний.

Ольга ФУКС

Пролог, или Фрак как образ достоинства

— «Фрак» начался в 1991 году. Тогда вся страна митинговала, и словосочетание «враг народа» в общем контексте звучало достаточно часто. Каламбур «Фрак народа» родился как противопоставление этому контексту. Мне показалось, что это смешное, немного хулиганское и пижонское название может отвечать такой задаче. Фрак — образ артистизма, достоинства. Тогда же я прочитал о том, что Немирович-Данченко, провожая фронтовые бригады актеров на передовую, говорил: при любых обстоятельствах — только фраки и вечерние туалеты. И действительно, смотришь пленки, которые сохранились, с выступлениями артистов на передовой — фантастика. Кишки, перемешанные с грязью, ужас, война, а люди выступают во фраках.

А сама передача возникла от глубочайшей неудовлетворенности другими передачами о театре, являвшимися собой либо актерские байки, где актеры выглядели шутами, либо так называемые интервью, от которых я просто умираю. Чтобы вести диалог в эфире, нужно быть личностью не меньшей, чем твой собеседник. В противном случае ты просто выполняешь функцию газетчика, которая на телевидении не уместна.

Режиссеры и вообще люди театра имеют право относиться к нам, критикам, достаточно презрительно. Никто еще не доказал, что критики знают театр лучше, чем они, или хотя бы так же. Вот потому и возникла необходимость сделать программу как художественное произведение — с завязкой, кульминацией, развязкой; серьезно срежиссированную. И тогда у меня появляется право судить, рецензировать, делать портреты или даже иронизировать.

Так что любовь к телевидению пришла через нелюбовь к телевидению.

Всякая бы нелюбовь приводила к таким результатам (комментарий за кадром).

Фрачный герой РТР,

похоже, послезавтра проведет свою последнюю передачу

Веч. Москва. — 1999 — 2 июля. — с. 6

Фрагмент 50-го «Фрака народа», который выйдет в эфир в воскресенье. Глядя на Марка Захарова и Владимира Оренова, можно предположить, что передача не перегружена оптимизмом

Золотая середина, или Монтаж эмоций

— Люди театра убеждены, что экран убивает театр, убивает его живую энергию и дыхание. Как вы решаете эту проблему?

— Вайда замечательно сказал, что театр на телевидении — в неволе, а в неволе он не размножается. Конечно, потери театра невероятны при переносе на экран. Именно поэтому мы попытались создать на телевидении такую модель, которая немножечко могла бы объяснить эмоции зрительного зала. Вмонтировать момент спектакля так, чтобы он сочетался с темпом, ритмом, музыкой, поворотом головы. Захаров очень точно сказал: «Я знаю, что такое монтаж аттракционов, я знаю, что такое монтаж планов Гриффита, а у вас я впервые увидел монтаж эмоций».

Какой только театр мы не снимали — и во Франции, и в Польше, и театр пиротехнический, и серьезные академические. Количество снятых и всерьез смонтированных спектаклей перевалило за несколько сотен. Поэтому меня совсем не удивляет, что эти программы воруют русские каналы в Америке. В Чикаго, в Нью-Йорке часто показывают. Может, это гораздо нужнее там?

Были счастливые программы. Три сделали совместно с паном Анджеем Вайдой. Мне был необычайно лестен звонок Вайды, который ска-

зал, что я умею снимать театр. А он то умеет снимать лучше всех! И он предложил с ним работать вместе. Это были удивительные дни! Потом совершенно неожиданно пришел подарок: кажется, по его ходатайству режиссер Деймек — министр культуры Польши в правительстве Леха Валенсы — подписал мне звание «Заслуженный деятель культуры Польши». По-польски это звучит забавно: «Заслуженный для культуры польской».

Пожалуй, никто, кроме «Фрака», не занимается портретами театральных режиссеров. У меня были часовые портреты Захарова, Фоменко, Свиного, Кантора, Гончарова, Левитина и других.

Были у меня такие странные сюжеты, через призму которых я пытался понять жизнь театра и просто жизнь. Например, «Марши и монологи». Я однажды сидел в Новосибирске в гостинице и увидел, что ночью идет колонна танков. На следующее утро узнал, что в Чечне началась война и туда переправлялась эта колонна. Спустя какое-то время я снова оказался в той же гостинице, и ночью меня тоже что-то разбудило. И вижу — идут танки. Но идут по одному с разрывом минуты в две, каждый танк разбит, столы погнуты. В обратную сторону. Туда шли вместе, стройными рядами и пахли маслом. А возвращались поодиночке. И тогда возникла идея «Маршей и монологов». Такой образ России.

«Этюд оптимизма» делались в тот период, когда люди как-то резко

помрачнели. К тому же я очень люблю книгу Ильи Мечникова «Этюды оптимизма», откуда название. Мы пригласили Романа Карцева, Фазилю Искандера, Михаила Левитина, Марка Розовского. Мне было важно понять, в чем ищут оптимизм эти люди. Оказалось, абсолютно в разных вещах. Розовский совершенно всерьез верит в идеалы 60-х годов. И ни в чем не разочаровывается. Я бы даже сказал, время его отчасти ничему не учит. Может, и хорошо. Левитин весь свой оптимизм берет от женщин, как известно. Он боготворит каждую их клеточку, и это тоже надо уметь. Карцев — паразитическое постоянное возвращение к детству, к солнцу одесскому, которое впиталось в кончики нервов. А уж Искандер — и так все ясно.

Или такая тема — пьяющая Россия, «Записки нетрезвого человека», пьющие герои искусства, попытка их собрать: и актеров, и персонажей. Нетрезвость нашей страны и нетрезвость ее художников.

— И актеры открываются с вами

говорили на эту тему? — Золотухин был предельно откровенен. Актеры понимают, что я не провокатор и не пытаюсь их обидеть. И судей себя не считаю, и права менторства за собой тоже не ощущаю. Поэтому они ведут себя свободно. По крайней мере Демидова нигде не была так раскованна, как во «Фраке» — с Высоцком.

Причем, что интересно, из пятидесяти «Фраков» только пять получились об актерах. Гафт, Ульянов, Козаков, Енгибаров и Высоцкий.

Потому что если о театральных режиссерах мы снимаем то, что никто не снимает, то об актерах передачи делают все и считают это легким делом. Мне кажется, самое сложное — актер, он отражает время, и, значит, передача должна быть портретом времени. Ничего себе задача!

— Каким образом вы добиваетесь от своих героев открытости?

— Иногда важно человека вывести из его привычного состояния — когда бандит пристает, надо что-то резко закричать. Логику сбить. Общался я как-то с губернатором Евгением Наздратенко, милым человеком. Он очень любит свой владивостокский театр, и я к нему, как к главному театралу, пошел. Он сначала настроился на серьезное интервью, а я ему — давайте споем, я знаю, что вы любите. Мы с ним долго пели «Три танкиста» перед камерой, а после этого он уже не мог общаться официально. Потом подарил мне швейную машинку. А было дело так: он спросил, чем увлекается моя дочка. Математику, говорю, люблю, ходит на факультатив, обожает цифры, хохочет страшно, когда считает. А он — приходите ко мне после работы, у меня для нее подарок. Прихожу — достаю машинку из коробки: «Это швейная машина, и скажите ей, чтобы бабой была, а не математикой занималась». Как жаль, что я это не снял! Сейчас ей 13 лет — все меньше математики, все больше женственности.

Конечно, кто-то пускает в себя, а кто-то совершенно закрыт. Тогда я стараюсь подойти с другой стороны, менять интонацию. Есть попытка снимать героя незаметно. Не когда он, простите, нужду справляет, а когда поворачивает голову, вдруг резко эдак посмотрит... В композиции таких проявлений человек иногда открывается лучше, чем в любой беседе. Например, Петр Наумович Фоменко — очень закрытый человек, редко общается. Я брал первое интервью у него тогда, когда он думал, что может не дожить до следующего. Уезжал на операцию в Германию, и вероятность того, что он вернется, была пятьдесят на пятьдесят. Поэтому он не то чтобы откровенничал, но у него дрожали губы, он был очень напряжен. Слава богу, это интервью не стало последним. Моя программа шла почти ночью, и я сказал — кто в этот час не спит, давайте помолимся за него, ему очень нужна сейчас удача. Таким образом интерактивное телевидение (ненавистный мне термин!) действительно стало интерактивным. За два дня до операции зрители если не помолились, то по крайней мере подумали о Петре Наумовиче. И когда вышла вторая часть программы о Фоменко, она началась с того, что все в порядке, он вернулся. И возникла иная, комическая, оптимистическая интонация, можно было даже позволить себе некоторую иронию по отношению к нему: выжил — получай.

Наверное, одна из задач «Фрака» — это попытка сделать мастеров персонажами. Они это чувствуют, но прощают, потому что я их люблю. Скажем, одна программа о режиссере, которого я просто уважаю, у

меня не получилась, хотя людям нравится. Потому что я не смог полюбить. Не нашел в себе резервов глубокого чувства для этого человека. Это я виноват — он, тысячу раз достоин любви. А Фоменко полюбил, и Свиного, и Захарова. А когда начинаешь любить всерьез, такие бездны открываются!

Вместо эпилога

— То, о чем я сейчас скажу, происходит уже давно. При разных председателях российского телевидения... Каким-то странным образом Российское государственное телевидение сжимается, как шагреновая кожа. Уничтожен генофонд государственного телевидения: лучшие операторы, осветители, лучшие монтажеры, лучшие специалисты, за редким исключением, бежали на другие каналы — где больше денег, где внимательнее относятся к профессиональному уровню. Практически уничтожены многие передачи. Зрители могут видеть, что почему-то ушла Сорокина, почему-то исчезла одна программа, другая, Пономарев ушел. Но это только верх айсберга. Фактически на сегодняшний день уже не существует российского телевидения. Остались программы студии «К-2», передачи для детей, спортивные. Остальное — политика и информация. Но если вспомнить, что наше телевидение возникло как один большой канал культуры, то просто уничтожено все! Сколько тогда делали спектаклей! Мы вспоминаем, как о легенде, о телевизионных работах Эфроса. Что-то подобное, вроде «Графа Нулина» Гинкаса, возникает порой на каналах частных или городских, но это редко и себе в убыток.

Сейчас все работники Российского государственного телевидения получили уведомление, что они будут уволены 17 августа. Характерная дата. Через два месяца наши должности сокращаются. Неизвестно, кого оставят или не оставят. В интервью людей, которые руководят каналом, говорится, что государственное телевидение должно перестать что-либо производить и стать закупочным. Что это означает? К чему это приведет в художественном отношении? И так российский канал, куда всегда было чествой попой, сейчас превратился в невероятную бесконечную попой! Вернулось то, что было при коммунистах, — перестали цениться качество, профессионализм. Мы прошли этот круг и вернулись к тому, с чего начали. Для меня падение качества — самое страшное. Когда программы станут покупными, никому не выгодно будет производить сложный монтаж. Выгодно, вот как мы с вами сидим, просто поставить камеру. Закупаться будут самые простенькие вещи. И люди станут прекрасно с этого жить и даже собирать телеинтервью в книги.

Когда говорят, что власть слаба, это неправда. Есть власть денег, она страшная, сильная и очень жестокая. Идет уничтожение производства программ государственного телевидения. Или уже прошло. Мы — остатки, которые подчищают. А общество абсолютно равнодушно, хотя всем все известно. Я думаю, просто это никому не интересно. Мы находимся в длинном периоде распада империи. К тому же через год уйдет «император». И все пережидает. Хотя иногда смотрю на все, что нас сейчас окружает, и думаю: а может, это и не такая уж беда — все равно никому не нужно.